

УДК 327

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-4/5-15>

Н.Л. Мамаева*

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОМИНТЕРН В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ (1931–1937 гг.)**

В статье рассматриваются советско-китайские отношения в десятилетие накануне Второй мировой войны на фоне изучения политики СССР, Китая, Коминтерна и Коммунистической партии Китая. Автор исследует советско-китайские отношения периода 1931–1937 гг. одновременно и с позиции развития межгосударственных советско-китайских отношений, и с позиции интернациональной поддержки советской стороной Коммунистической партии Китая, что позволяет прийти к выводу о стремлении обеих сторон к открытию нового этапа развития дипломатических отношений, знаковым событием которого стало подписание в августе 1937 г. советско-китайского Договора о ненападении.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, Коминтерн, СССР, Китайская Республика, Коммунистическая партия Китая

Soviet-Chinese relations and the Comintern during the aggravation of the international situation, 1931–1937. NATALYA L. MAMAIEVA (Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences)

The article examines the Soviet-Chinese relations in the decade on the eve of World War II against the background of the policies of the USSR, China, the Comintern and the Communist Party of China. The author examines the Soviet-Chinese relations of the period 1931–1937 both from the standpoint of the development of interstate Soviet-Chinese relations, and from the standpoint of international support of the Communist Party of China by the Soviet Union. This approach allows to conclude that both sides were striving to open a new stage in the development of diplomatic relations, the landmark event of which became the signing of the Sino-Soviet Non-Aggression Pact on August 21, 1937.

Keywords: Soviet-Chinese relations, Comintern, USSR, Republic of China, Communist Party of China

---

* МАМАЕВА Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru

© Мамаева Н.Л., 2022

** Данный текст подготовлен в рамках проекта Института российской истории РАН по созданию много- томной академической истории России.

Положение в Китае и развитие советско-китайских отношений

Укрепление международных позиций СССР к концу 1920-х гг. осуществлялось по широкому спектру направлений, включая как западное, так и восточное. На фоне развития дипломатических отношений СССР со странами Востока, такими как Иран, Афганистан, Турция, Япония, строились и укреплялись международные позиции Китайской Республики (КР). На протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. прослеживается тенденция постепенного выдвижения советско-китайских отношений на передние рубежи восточной политики СССР. Между тем развитие отношений между СССР и КР, значение которых и для СССР, и для Китая возросло в результате заключения Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г., демонстрировало в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и наличие конфликтных ситуаций. Советско-китайские противоречия усиливались в результате прерванных в 1929 г. советско-китайских дипломатических и консульских отношений. Сложившийся вокруг Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) «конфликт интересов» значительно облегчил Японии ее вторжение в Китай в 1931 г.

Как показали события конца 1920-х гг., в развитии советско-китайских отношений фактором нестабильности выступала чаще всего Национальная партия Китая (Гоминьдан). И хотя после военного переворота Главнокомандующего Национально-революционной армии (НРА) Чан Кайши 12 апреля 1927 г. Гоминьдан сохранил дипломатические отношения с СССР, существовавшие при бэйянском (северном) правительстве, однако основным стержнем его внешней политики оставалась ориентация на империалистические государства и воинствующий антисоветизм.

После вторжения Японии 18 сентября 1931 г. в Северо-Восточный Китай китайская нация оказалась в глубоком кризисе. Углубленное изучение событий Второй мировой войны и событий, связанных с японской агрессией в Китае, формирует в определенной степени новый взгляд на Вторую мировую войну, согласно которому широкомасштабная японо-китайская война (1937–1945 гг.) может рассматриваться в качестве органической составной части Второй мировой войны. Временные рамки японской агрессии в Китае и войны сопротивления

агрессору нередко определяются (особенно китайской историографией) 1931–1945 гг. В этой связи особый интерес вызывает недостаточно исследованный в историографии период 1931–1937 гг., предшествовавший началу широкомасштабной японо-китайской войны 1937–1945 гг. В мировой историографии, в частности – в англоязычной, сохраняет определенные позиции политизированное отношение к оценке роли СССР и Китая во Второй мировой войне, занижающее вклад этих государств в достижение победы антигитлеровской коалиции. Однако расширение источниковедческой базы, развитие международных научных контактов, использование новых информационных технологий выявляет новые возможности для изучения феномена Второй мировой войны и создает основу для более адекватных оценок вклада СССР и Китая в победу над фашизмом в целом и над японским агрессором в частности.

Китайскому народу выпала горькая участь вести борьбу с Японией в течение длительного времени, с 1931 по 1945 гг. Новые документы, прежде всего, изданные 2-м историческим архивом КНР, позволили представить всю сложность положения руководителя государства и партии Гоминьдан Чан Кайши в годы войны, определявшуюся недостаточным экономическим и военным потенциалом страны, активной деятельностью японофильской оппозиции в руководящих структурах правящей партии, несовершенством системы управления в целом, развитием центростремительных тенденций в отдельных провинциях, почти непрерывавшимися конфликтами между Гоминьданом и КПК, наконец, сохранявшейся длительное время системой неравноправных договоров. Эти обстоятельства в значительной мере объясняли пассивность Чан Кайши в области ведения военных действий против Японии, его стремление придать японо-китайской войне затяжной характер, а порою и склонность Главнокомандующего к капитулянтству.

Широкомасштабная агрессия Японии в Китае, поводом для которой послужило столкновение в июле 1937 г. у железнодорожной станции Лугоуцяо близ Пекина военных подразделений с обеих сторон, не была неожиданностью для СССР, тщательно отслеживавшего политику Японии на Дальнем Востоке. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. перед советским правительством стояла трудная задача создания целостной картины внутри – и внешнеполити-

ческого положения Китая и Японии, на основе которой можно было бы строить адекватную внешнеполитическую линию на Дальнем Востоке. Вследствие ухудшения отношений СССР и Китайской Республикой в конце 1920-х гг. и прекращения контактов между Компартией Китая и Гоминьданом, который после трагического разрыва «единого фронта» с КПК в 1927 г. «загнал» коммунистов в подполье, Советский Союз утратил некоторые прежние возможности получения информации о ситуации в Китае. Однако эти трудности были преодолены благодаря профессионализму внешнеполитических, дипломатических, разведывательных и иных структур СССР, действовавших в КР. В результате советской стороне удалось не только определить уровень японской угрозы для СССР, но и к середине 1930-х гг. стать участником формирования единого национального антияпонского фронта Китая как фактора стабилизации внутривосточного положения в стране и укрепления позиции Китая на Дальнем Востоке.

Внешнеполитические и разведывательные структуры СССР уже с начала 1930-х гг. обладали проверенной информацией о стремлении Японии к расширению сферы своего влияния не только на Маньчжурию и в целом – Китайскую Республику, но и на Советский Союз. Политика Японии на Дальнем Востоке вызывала большую настороженность в СССР. В этой связи обратим внимание на активную работу в Китае советской разведки. Под руководством коммуниста-интернационалиста и советского военного разведчика Рихарда Зорге (псевдоним – Рамзай) в короткие сроки (1930–1932 гг.) в Китае была создана нелегальная резидентура советской военной разведки с центром в Шанхае. Она успешно справилась с труднейшей задачей сбора и анализа информации о положении в Китае и политике Японии относительно Китая и СССР на текущий момент [5, с. 182–184]. Вывод разведчиков об агрессивном характере политики Японии в отношении СССР формировал возможную перспективу советско-китайских и советско-японских отношений. Донесения разведки о начале японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г., образовании в 1932 г. марионеточного государства «Маньчжоу-го» рассматривались как избрание японцами китайского направления агрессии как первоочередного. На информацию о начале японской агрессии в Китае, своевременно переданную в Главное разведывательное управление (ГРУ)

Рамзаем, последовала незамедлительная реакция тесно связанного с деятельностью Коминтерна И.В. Сталина и Политбюро ВКП(б). В шифрограмме И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову от 23 сентября 1931 г. давался ряд реалистичных характеристик, прогнозов и указаний: допускалась возможность осуществления Японией интервенции «по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае», предсказывалась пассивность держав в деле противодействия японской агрессии в Китае и категорически исключалась возможность военного вмешательства СССР в события в Маньчжурии [8, с. 645–647]. Наряду с ГРУ информация разведывательного характера передавалась в СССР также Отделом международных связей Коминтерна.

Важно отметить, что до создания резидентуры в Шанхае у руководства СССР существовал образ слабого Китая, не обладающего способностями противостоять агрессивной Японии. Однако в процессе своей деятельности Зорге пришел к выводу, что немедленное прекращение гражданской войны между Гоминьданом и КПК высвободит резервы, достаточные для оказания сопротивления Японии. Необходимость срочного прекращения военных действий между вооруженными подразделениями Гоминьдана и КПК совершенно справедливо рассматривалась Зорге в качестве важной предпосылки перехода Китая к вооруженному противостоянию японской агрессии.

После событий 18 сентября 1931 г. отношения между Советским Союзом и Китаем развивались на фоне обострения международной обстановки и кризиса Версальско-Вашингтонской системы. Ситуация характеризовалась переплетением разноплановых процессов и событий: нарастанием международной напряженности, усилением агрессивных действий со стороны Германии, Японии и Италии, военным строительством в Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), борьбой региональных китайских военно-политических группировок с нанкинским правительством, продолжением гражданской войны в Китае. Основные участники гражданской войны – Компартия Китая и Гоминьдан – несмотря на разногласия имели единую точку зрения на содержание и цель революционного процесса в Китае, а именно: создание на китайской земле объединенного независимого государства. Наличие общего врага

в лице Японии сближало СССР и Китайскую Республику. В целях противодействия агрессору Гомиьдан проявлял интерес к развитию отношений с СССР. В Нанкине еще не успели забыть об оказании Советским Союзом помощи и поддержки Сунь Ятсену и Гомиьдану в 1920-е гг. в их борьбе против бэйянских (северных) милитаристов. О необходимости нормализации отношений между Россией и Китаем заявил заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан на встрече с представителем нанкинского правительства Мо Дэхуэем [9, с. 35–38].

В ходе развития советско-китайских отношений на повестку дня выдвинулись задачи, требующие скорейшего решения: восстановление дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем и подписание Договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой [9, с. 96–98].

Советское правительство при выработке решений по вопросам советской дальневосточной политики учитывало множество обстоятельств, среди них – недостаточная готовность к войне с Японией как Китая, так и СССР. При оценке ситуации советское правительство также принимало во внимание тот факт, что оборонная стратегия Советского Союза не предусматривала превентивной войны с Японией.

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений Советский Союз начал оказывать Китаю моральную, дипломатическую и политическую поддержку. Характеризуя японскую агрессию как серьезную угрозу для обоих государств, СССР считал необходимым объединение усилий с Китаем. В борьбе с японскими захватчиками Советский Союз оказывал определенную поддержку китайским добровольцам в Северо-Восточном Китае.

В Москве предложение правительства КР о подписании Пакта (Договора) о ненападении между двумя странами рассматривалось одновременно с проблемой восстановления в полном объеме дипломатических и консульских отношений между СССР и Китаем. В интересах нормализации двусторонних отношений СССР предложил Китаю восстановить дипломатические отношения незамедлительно. Чан Кайши удалось преодолеть сопротивление прояпонски настроенной части Гомиьдана, выступавшей против восстановления дипломатических отношений между КР и СССР. По вопросу восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и Китаем

Чан Кайши занял позицию, ориентированную в определенной степени на Великобританию и США и представленную внутри страны политическими деятелями – специалистами по финансовой политике Сун Цзывэнем и Кун Сянси. Восстановление дипломатических отношений с СССР состоялось 12 декабря 1932 г. Оно предшествовало заключению Договора о ненападении, то есть продемонстрировало поддержку советского сценария последовательности событий, согласно которому предусматривалось разделение по времени актов восстановления дипломатических отношений и заключения Договора о ненападении.

Весьма значимым событием после восстановления советско-китайских дипломатических отношений в 1932 г. являлась корректировка политического курса СССР относительно Китайской Республики. Одним из важных моментов эволюции политики СССР относительно правительства КР стало перенесение центра тяжести советской дальневосточной политики на область поддержки китайской официальной власти. Это направление носило принципиальный характер и было тесно связано с проблемами внутренней и внешней политики СССР и Китая. Согласно новой политике, значительные усилия советской дипломатии в Китае направлялись уже не на поддержку революционного движения, как в 1920-х гг., но на развитие, особенно с 1934 г., межгосударственных отношений и укрепление государственного строительства Китайской Республики. Эта позиция была подтверждена заместителем наркома СССР по иностранным делам Б.С. Стомоняковым, который в беседе с представителем Гомиьдана Цзян Лифу подчеркнул, что в СССР относятся к Чан Кайши с большим уважением, считают его «крупнейшим государственным деятелем», относятся к Чан Кайши так же, как к другим дружественным к СССР иностранным лидерам [9, с. 339].

Показательным событием начала 1930-х гг. стала оккупация Японией Маньчжурии, осложнившая советско-японские отношения. И внутри, и вне Китая она правомерно воспринималась под углом зрения перехода Японии к политике вытеснения России из Северо-Восточного региона Китая.

Одним из результатов восстановления дипломатических отношений СССР и Китая являлась активизация двусторонних усилий по дальнейшему сближению. Особое внимание

уделялось неформальным контактам, что можно рассматривать как проявление китайской специфики. Советское правительство пошло навстречу пожеланиям Чан Кайши об активизации неформальных каналов связи с советским руководством, прежде всего с И.В. Сталиным. Учитывая сложную международную ситуацию на Дальнем Востоке, Советский Союз одновременно прилагал значительные усилия по созданию системы международной коллективной безопасности, предпринимал попытки, к сожалению, безуспешные, заключения регионального Тихоокеанского пакта о взаимопомощи.

Начиная с Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой, стремление СССР к созданию правовой базы развития отношений с КР сталкивалось на протяжении всей истории с многочисленными препятствиями. Советско-китайские отношения первой половины и середины 1930-х гг. имели свои особенности. Они характеризовались сосуществованием двух направлений в политике китайской стороны: стремлением к дипломатическому признанию СССР и к заключению Договора о ненападении – с одной стороны, и одновременно затягиванием процесса подготовки Договора, что делало этот процесс весьма болезненным и неоправданно длительным [10, р. 52–54]. Китайская сторона проявляла при этом неуступчивость, отсутствие опыта выступления в роли субъекта международных отношений (не объекта, как это было ранее). Имела место и недооценка китайской стороной необходимости создания правовой базы для укрепления межгосударственных отношений. При этом китайское руководство продолжало надеяться то на изменение курса Японии в отношении Китая, то на вступление СССР в войну с Японией.

В результате формальных и неформальных усилий обеих сторон Национальное правительство Китая предложило СССР заключить Договор о ненападении и секретное военное соглашение, а также направило в Москву политического и государственного деятеля Китайской Республики Чэнь Гофу для ведения переговоров о предоставлении Китаю советской помощи. Через советского посла в Китае Д.В. Богомолова в декабре 1935 г. китайская сторона получила важную информацию об одобрении Советским Союзом перехода к предметному обсуждению вопросов, связанных с

заключением советско-китайского Договора о ненападении [9, с. 493].

Однако несмотря на активизацию формальных и неформальных контактов и начало сближения со второй половины 1934 г. позиций руководства обеих сторон Китай продолжал затягивать с переговорами о заключении двусторонних соглашений. Более того, взяв курс на сближение с СССР, Китайская Республика одновременно вела переговоры с Японией. Интервью нового министра иностранных дел КР Ван Чунхуэя японским журналистам 18 июня 1937 г. продемонстрировало наличие иллюзий по вопросу способности Японии отказаться от агрессивной политики и недоверие к Советскому Союзу. Причины внешнеполитического «балансирования» Китая в значительной степени были связаны с опасением роста напряженности в треугольнике Россия-Китай-Япония. Одновременно следует отметить, что Советский Союз, насколько это было возможно в сложной ситуации, стремился четко следовать принятому курсу в отношении Китая и Японии. Советское правительство строго придерживалось политики невмешательства во внутренние дела государств, предпринимало меры против втягивания России в войну с Японией, а дипломатические представители СССР за рубежом неукоснительно придерживались строгого нейтралитета и ограничивались регистрацией фактов.

Важно констатировать, что на всем протяжении японской агрессии в Китае дипломатия СССР демонстрировала поддержку национальной политики Китая (объединение страны и укрепление национального суверенитета), а также признание боевых действий регулярных частей армии Национального правительства как наиболее эффективную форму ведения войны с Японией. Усилия СССР в сфере дипломатии, как и участие в политическом процессе в Лиге Наций в целом соответствовали провозглашенной СССР позиции относительно Китая и Японии. Она имела своим следствием повышение авторитета и СССР, и Китая на международной арене, способствовала «торможению» наступательных настроений милитаристских сил Японии.

Хотя и медленно, но подготовка советско-китайского Договора о ненападении продолжалась. Начавшаяся в 1933 г. работа в этом направлении была завершена лишь в августе 1937 г., то есть после начала Японией широко-

масштабных военных действий в Центральном Китае. Аналогичная ситуация складывалась и в области подготовки договора о торговле, начало которой датировалось 1933 г., а завершение – 1939 г.

Договор о ненападении был подписан в Нанкине 21 августа 1937 г. и, подчеркнем, являлся прежде всего результатом советско-китайского взаимодействия, имевшего место между сторонами с начала 1930-х гг. Назовем ряд обстоятельств, препятствовавших стабилизации советско-китайских отношений. Даже после инцидента у моста Лугоуцяо 7 июля 1937 г. и банкротства политики «балансирования» Чан Кайши не терял надежды на помощь Великобритании и США, которые по-прежнему ориентировались на политику умиротворения агрессора. В подобной ситуации разворот Китая к Советскому Союзу (заключение с СССР Договора о ненападении и получение советской помощи) имел принципиальное значение. В СССР объективно воспринимали особенности развития советско-китайских отношений: через «конфликт интересов» к восстановлению и удержанию необходимого уровня стабильности. Характеризуя политику Гоминьдана как авторитарную и своекорыстную и констатируя полную противоположность и несовместимость общественных систем и идеологий СССР и Китайской Республики, Народный Комиссариат иностранных дел Советского государства не питал иллюзий относительно возможности радикального улучшения советско-китайских отношений и стремился не допустить хотя бы их принципиального ухудшения.

Советская позиция оказания помощи Китаю в значительной степени исходила из политики недопущения капитуляции Китая перед японским агрессором, свершение которой развязало бы Японии руки в ее стремлении начать войну с СССР. Политика Чан Кайши характеризовалась в этот исторический период относительной последовательностью в стремлении сохранения национального суверенитета, отказом от предложений Японии заключения мира с Китаем на унижающих достоинство Китая условиях, сближением Китая с СССР и И.В. Сталиным, неоднократным выражением чувства благодарности Советскому Союзу за его помощь Китаю и взаимопонимание, одновременно – настойчивостью в призывах к СССР объявить войну Японии. Документальные источники содержат множество свидетельств стабильной позиции

Советского Союза в неприятии просьбы Чан Кайши об открытии СССР восточного фронта, на создание которого длительное время рассчитывал как он сам, так и руководители США и западных держав.

Стремление не провоцировать Японию являлось принципиальным моментом в политике СССР в Китае в годы войны, касалось ли это действий правительства Китайской Республики или деятельности Китайской Компартии в «едином фронте». Малейшая неосторожность в китайской политике Москвы могла бы оказаться для Советского Союза роковой, ибо выдержать войну на два фронта Россия не смогла бы. Это – очевидный факт. Как свидетельствуют реалии, Советский Союз в целом занимал дружественную позицию относительно Китая, который непрекращающейся борьбой с японским агрессором сдерживал силы Японии на своих фронтах, тем самым давал шанс СССР вести войну на одном западном фронте.

Китайская сторона периодически демонстрировала отсутствие опыта выступления в роли субъекта международных отношений, недооценивала необходимость своевременного создания правовой базы развития двусторонних отношений. Вместе с тем усилия обеих сторон в направлении подготовки Договора о ненападении не пропали зря. Договор был подписан. Выгодный обеим сторонам, он фактически являлся договором о взаимопомощи. Советская дипломатия, имеющая уже опыт взаимодействия с китайскими дипломатическими структурами в 1920-е гг., действовала на высоком уровне. Статьи Договора были составлены таким образом, что их нельзя было использовать в качестве формального повода для агрессии против СССР. Предложение Китая о заключении военно-оборонительного союза, предполагавшего вступление СССР в войну с Японией, на что рассчитывал Чан Кайши, было отклонено. По Договору о ненападении между СССР и Китаем стороны обязались в случае вооруженных конфликтов «не оказывать ни прямо, ни косвенно никакой помощи» третьим странам. Согласно секретной договоренности, СССР обязался не заключать сепаратных соглашений с Японией до нормализации китайско-японских отношений, а китайская сторона – не заключать союз с третьими странами против китайских коммунистов. В сентябре 1937 г. стороны достигли договоренности о предоставлении Китаю военной техники,

боеприпасов и снаряжения в счет советских кредитов. При этом оговаривалось, что пятая часть от советской помощи оружием должна быть предоставлена вооруженным силам КПК [6, с. 159]. Таким образом, советским дипломатам удалось увязать проблему помощи Китайской Республике с одним из секретных условий договора – прекращением борьбы Гоминьдана с коммунистами. Подписанием Договора была легализована помощь СССР Китаю, но, главное, провалилась идея «молниеносной войны», на которую рассчитывала Япония. Кроме того, советская сторона предусмотрела возможности укрепления позиций КПК в «едином фронте» с Гоминьданом, то есть связала национальные и интернациональные цели в китайской политике СССР. Договор продемонстрировал связь политики Коминтерна, его VII конгресса, с развитием советско-китайских отношений. Можно предположить, что без реализации политики «единого фронта», которая изначально инициировалась и развивалась главным образом силами Коминтерна, не было бы согласия Гоминьдана и Национального правительства КР на заключение Договора о ненападении и на конструктивный диалог в дипломатической сфере.

Коминтерн и Китай

Несмотря на названные выше коррективы в политике СССР относительно Китая в 1930-е гг., в целом специфика советско-китайских отношений сохранялась. Особенностью советской дипломатии в Китае, как и ранее, являлось сочетание позиции защиты национальных интересов Советского Союза с интернациональной позицией, однако, в отличие от 1920-х гг., – с упором на национальные интересы. Интернациональная позиция сохранялась и выражалась в стремлении СССР отойти от радикальных вариантов развития революционного процесса, гарантировать безопасность КПК, прекратить гражданскую войну между Гоминьданом и Компартией Китая, обеспечить КПК условия развития, необходимые для разработки курса национального спасения. История советско-китайских отношений в течение первой половины – середины 1930-х гг. тесно связана с участием Коминтерна в событиях внутреннего и внешнего плана. Несмотря на восстановление в конце декабря 1932 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем, вплоть до середины 1930-х гг. в руководстве КР сохраня-

лись элементы недоверия к Советскому Союзу, Коминтерну и Компартии Китая, которые находились в процессе взаимодействия, причем Компартия Китая продолжала поддерживать политику Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) по ряду важных направлений, в том числе в области организации на территории Китайской Республики советского движения. Между тем обстановка в мире по мере роста фашизма резко менялась. Для СССР все более реальной становилась опасность нападения Японии.

Позиция Компартии Китая вплоть до второй половины 1930-х гг. в соответствии с реалиями характеризовалась развитием «коминтерновской политики» в направлении выдвижения Компартией Китая курса на свержение Гоминьдана. Идеологизированная составляющая политики КПК усилилась в обстановке мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Она выражалась в выдвижении тезисов о «новом революционном подъеме», проявлялась в развитии левацких тенденций, в преувеличении масштабов и роли советского движения в Китае. Левацкая тенденция в КПК, направленная на выдвижение курса на свержение Гоминьдана, имела место, однако не отражала общей ситуации в руководстве Коминтерна и ВКП(б). Так, Г.В. Чичерин называл подобную тенденцию неадекватной китайской действительности и «колоссальной ошибкой с точки зрения интересов СССР» [7, с. 14–15]. Так или иначе, она была преодолена, и совместными усилиями КПК, Коминтерна, СССР и патриотически настроенных гоминьдановцев развивалась тенденция создания единого общенационального антияпонского фронта.

Особенностью работы восточного звена Коминтерна в 1930-е гг. можно назвать также возрастание роли Делегаций национальных компартий при Исполнительном комитете Коминтерна. Предпринятая в конце 1920-х – начале 1930-х гг. структурная реорганизация Коминтерна была связана в значительной степени с попытками исправления не вполне адекватных оценок Коминтерна относительно революционных событий в ряде стран. В их число входил и Китай, в котором ошибки собственной Компартии в области революционной стратегии в течение 1927 – первой половины 1930-х гг. тесно переплетались с неадекватными китайской действительности указаниями Коминтерна в адрес китайских коммунистов.

КПК, выдержавшая в 1927–1929 гг. тяжелые испытания, связанные с контрреволюционными выпадами Гоминьдана, была поставлена на грань существования. Лишь весной 1932 г. восстановилась связь Коминтерна с руководством КПК и были предприняты попытки связаться с советскими районами. Вместе с тем переход КПК на нелегальное положение и усиление гоминьдановской агрессии делали практически невозможным продолжение контактов Компартии Китая с Коминтерном. Деятельность Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна (Дальбюро ИККИ) в Китае фактически оказалась парализованной. В конце 1934 г. представители Коминтерна, оказавшиеся под угрозой физического уничтожения, вынуждены были покинуть Китай. С отступлением Красной армии из Центрального советского района (ЦСР) была прервана и прямая радиосвязь ИККИ с ЦК КПК. Уже в это время в коммунистической среде развивалось стремление к критическому осмыслению революционного опыта и выявлению китайской специфики в революционном процессе. Не преувеличением будет утверждение, что накопленный КПК с помощью Коминтерна партийно-политический опыт способствовал росту самостоятельности в вопросах избрания революционной стратегии и тактики, более соответствующих национальной специфике. Уже первые мероприятия Коминтерна по наделению местных компартий большими чем раньше правами, а также приближение Второй мировой войны в итоге развивали тенденцию вывода коммунистических партий из-под контроля Коминтерна. Новые характеристики революционного процесса в конечном итоге наводили на размышления о целесообразности дальнейшего существования Коминтерна.

На передний план общественно-политической жизни накануне и особенно после VII конгресса Коминтерна (июль-август 1935 г.) выдвинулась задача создания патриотического антияпонского фронта, включавшего наряду с КПК и Гоминьданом широкий спектр демократически ориентированных социальных слоев и групп, а также их организаций [4, с. 262–263]. Собрание всех сил для сдерживания японского агрессора было обязательной предпосылкой сохранения стабильности и национального суверенитета. Формирование «единого фронта» осуществлялось параллельно с ростом национального самосознания и продвигалось усили-

ями Коминтерна, Компартии Китая и ее руководителей.

Параллельно с работой по подготовке советско-китайского Договора о ненападении продвигался связанный с советско-китайскими договоренностями переговорный процесс между Гоминьданом и КПК о создании «единого фронта». Наиболее активную деятельность в формировании широкого демократического антияпонского фронта в Китае демонстрировала Китайская Компартия. В этот процесс был вовлечен и Гоминьдан. 24 декабря 1936 г. Чан Кайши издал приказ о прекращении гражданской войны и реорганизации правительства. Фактор создания единого национального демократического фронта и его влияния на внутренние события и международный климат трудно переоценить. Коммунистический Центр в Яньани, получивший возможность легальной деятельности, осуществлял эффективную разностороннюю политику, сочетавшую военные действия на фронтах, в основном силами 8-й и Новой 4-й армий, с партизанской войной в тылу врага. Участие коммунистов в крупномасштабной антияпонской войне оказало в целом немалую помощь войскам Гоминьдана, в том числе периодически оттягивая к освобожденным районам значительные военные силы Японии. Вместе с тем начавшиеся уже в 1939 г. конфликты в «едином фронте» ослабляли силы сопротивления японской агрессии и представляли собою проблему, требующую постоянного внимания со стороны главным образом Советского Союза – давнего друга и идеологического партнера Компартии Китая.

Перестройка основных целей и позиций международного коммунистического движения, выдвинутая VII конгрессом Коминтерна, осуществлялась с большими трудностями [3, с. 332]. В этой ситуации положительную роль сыграл авторитет И.В. Сталина, уделявшего политике Коминтерна и событиям в Китае адекватное внимание и руководившего с 1930-х гг. практически всей работой Коминтерна. Признание И.В. Сталиным необходимости создания в Китае единого национального антияпонского фронта гарантировало принятую конгрессом Коминтерна линию. Наибольшие трудности в процессе реализации нового курса Коминтерна испытывали китайские коммунисты, которые, как показало неровное функционирование «единого фронта» КПК и Гоминьдана в годы японо-китайской войны, в значительной

своей части не сумели преодолеть недоверие к Гомиьдану. В выступлениях и публикациях И.В. Сталина и генсека ИККИ Г. Димитрова четко представлены сложности принципиального перехода КПК от прежней ориентации к противоположной. Как говорил генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров, «вы не найдете ни одной секции Коминтерна, которая ... сделала бы такой коренной переворот в своей политике и в своей тактике на протяжении нескольких лет, как это сделала Коммунистическая партия Китая» [2, с. 65]. Г. Димитров подчеркивал, что «речь идет уже не о советизации, а о сохранении китайского народа от поглощения его японским империализмом». В Краткой записи Г. Димитрова беседы с И.В. Сталиным в Кремле (Москва, 11 ноября 1937 г.) приводятся слова И.В. Сталина, характеризовавшие суть новой политики для КПК: «Сейчас самое главное – война, а не аграрная революция, не конфискация земли». И далее: «...Самым основным для КПК является влиться в общенациональную войну и занять руководящее участие» [2, с. 74].

Постепенно менялось и отношение гомиьдановской власти к СССР и КПК. Договор о ненападении предусматривал изменение позиции Чан Кайши относительно Компартии, демонстрировал более мягкую позицию относительно сотрудничества Гомиьдана и КПК. Заключение Договора имело чрезвычайно важное значение для Китайской Республики, которой предстояла длительная борьба с японским агрессором.

Продвижение по пути нормализации советско-китайских отношений в течение первой половины – середины 1930-х гг. (восстановление дипломатических и консульских отношений в 1932 г., подписание Договора о ненападении вкпе с секретными соглашениями 1937 г.) – свидетельство продуманной подготовки советской стороны к созданию системы помощи Китайской Республике в борьбе с японским агрессором.

Следует отметить, что все события, связанные с отношениями Гомиьдана и КПК, тщательно отслеживались советскими дипломатами и Советским правительством. Это было тем более необходимо, что связь КПК с Коминтерном в обстановке военного времени не была легкой и постоянной. Института представителя ИККИ в КПК не существовало с середины 1930-х гг. Представителя КПК в ИККИ не было с 1941 г. С 1940 г. функции представителей

ИККИ в КПК перешли к сотрудникам Главного разведывательного управления (ГРУ) (в феврале 1942 г. в Яньань прибыли Владимиров (П.П. Власов), Н.Н. Риммар и врач А.Я. Орлов), которые при всех своих заслугах в сущности не стали равноценной заменой существовавшей ранее системы представительства Коминтерна в Китае. Несмотря на сложности в осуществлении контактов Коминтерн и в конце 1930-х гг. продолжал оказывать влияние на идеологию и кадровую политику КПК, призывая китайских коммунистов к выдвижению в качестве лидера КПК Мао Цзэдуна. Коминтерн и представители Делегации КПК в КИ – Ван Мин и Кан Шэн, позднее и Ван Цзясян, в 1937–1938 гг. играли значительную роль в осуществлении перехода КПК к новой политической ориентации, принятой VII конгрессом Коминтерна и предусматривающей поворот от создания Советов к формированию единого национального фронта с прежним врагом коммунистов – Гомиьданом. Как показала дальнейшая история, новая стратегия, в формировании которой активно участвовал Коминтерн, оказалась единственно верной, отражала особенности момента и специфику Китая.

* * *

Опыт сотрудничества Советского Союза с законным правительством Китайской Республики, оказание финансовой поддержки и помощи оружием Гомиьдану и коммунистам, деятельность СССР и посланцев Коминтерна по созданию «единого фронта» подводит к выводу о высокой степени значимости в формировании международных отношений на Дальнем Востоке (вокруг Китая) внутреннего фактора – «единого фронта» национальных и демократических сил Китая. Становится очевидной точка зрения о более значительной роли в этих событиях Коминтерна, чем это считалось ранее. Комплексный подход к исследованию китайской политики СССР позволяет выявить тесную внутреннюю взаимосвязь китайской политики «единого фронта» с развитием советско-китайских отношений.

В историографии последних десятилетий изучение истории КПК, китайской революции и политики Коминтерна в Китае поднялось на новую ступень. Активизация в КНР исследовательской работы по этой тематике в значительной степени связана с юбилейной датой – столетием Компартии Китая (1921–2021 гг.), к

которой историки, особенно китайские, пришли с новыми фактами, материалами и подходами по общей масштабной теме – Коминтерн и китайская революция. На этом пути были внесены некоторые коррективы и уточнения позиций КПК и Коминтерна в формировании революционного процесса (см. подробнее: [1]). Особое внимание обращаем на развивавшиеся в китайской коммунистической среде еще до VII конгресса Коминтерна представления о теории и практике единого национального антияпонского фронта и в целом о процессе развития китайизации марксизма, стимулирующей роли Коминтерна в формировании Мао Цзэдуном теории «деревня окружает город». Новодемократический характер революционного процесса, на гребне которого коммунисты в 1949 г. пришли к власти, в исследованиях китайских историков связывается напрямую с влиянием Коминтерна как участника новых разработок революционной стратегии с китайской спецификой, акцентируется значение моральной и материальной помощи Коминтерна и СССР Компартии Китая и китайскому народу в годы японо-китайской войны.

Изучение многовекторного содержания исторического периода 1931–1937 гг. свидетельствует, что советской дипломатии в это непростое время, преодолевая «конфликты интересов», удалось совместно с китайской стороной подготовить двусторонний Договор о ненападении, сыгравший исключительно важную роль в развитии советско-китайских отношений. Договор создал международно-правовую базу для укрепления советско-китайских дружественных связей, способствовал ликвидации состояния «международной изоляции» Китая перед лицом японской агрессии. Демонстрируя высочайший уровень советской дипломатии, он покончил с надеждами Японии о возможности реализации идеи «молниеносной войны», оказал сильное влияние на китайскую сторону в направлении недопущения капитуляции перед милитаристской Японией, что гарантировало сохранение необходимого уровня стабильности на Дальнем Востоке.

Предпринятый в данной работе комплексный подход к изучению советско-китайских отношений периода 1931–1937 гг. позволил осуществить исследование по двум каналам: с позиций развития межгосударственных советско-китайских отношений и с позиций интернациональной поддержки советской стороной

Компартии Китая. Это позволило прийти к выводам о тщательной подготовке обеих сторон к открытию нового этапа развития советско-китайских отношений, знаковым событием которого стало подписание советско-китайского Договора о ненападении. В процессе подготовки пакта о ненападении китайской стороне удалось преодолеть характерную для дипломатической истории Китая тактику «балансирования», препятствующую подписанию Договора. Проявленная договороспособность каждой стороны обеспечила оптимальное содержание Договора и для Советского Союза, и для Китайской Республики, что имело положительные последствия в дальнейшей истории советско-китайских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Ци. Обзор результатов исследований отношений Коммунистического Интернационала и китайской революции на этапе 1927–1935 гг. // Исторические события в жизни Китая и современность. Вып. 7. М.: Институт Китая и современной Азии, 2022. С. 84–106.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Григорьев А.М. Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна. 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М.: Наука, 2002. С. 293–333.
4. Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы. М.: Наука, 1986.
5. Мамаева Н.Л. Разведывательная деятельность Рихарда Зорге и его группы в Китае (1929–1932) и ее результаты // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН (Москва, 17–18 февраля 2016 г.). М.: ИДВ РАН, 2016. С. 177–185.
6. Новейшая история Китая, 1928–1949. М.: Наука, 1984.
7. Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину от 20 июня 1929 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 14–15.
8. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: документы. М.: РОССПЭН, 2004.

9. Русско-китайские отношения в XX в.: документы и материалы. Т. 3. Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). М.: Памятники исторической мысли, 2010.

10. Ван Чжэнь. Канчжань цицзянь чжун су гуаньси эхуа юаньинь чутань (Предварительное исследование причин ухудшения китайско-советских отношений в период антияпонской войны) // Лиши яньцзю. 1990. № 4. С. 51–63.

REFERENCES

1. Wang Qi, 2022. Obzor rezul'tatov issledovaniia otnoshenii Kommunisticheskogo Internatsionala i kitayskoi revolyutsii na etape 1927–1935 gg. [Review of the results of research on the relations between the Communist International and the Chinese Revolution at the stage of 1927–1935]. In: Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'. Vyp. 7. Moskva: Institut Kitaya i sovremennoi Azii, 2022, pp. 84–106. (in Russ.)

2. VKP(b), Komintern i Kitai: dokumenty. T. 5. VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoi voyny. 1937 – mai 1943. [All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and China: documents. Vol. 5. All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Comintern and the Communist Party of China during the anti-Japanese war. 1937 – May of 1943]. Moskva: ROSSPEN, 2007. (in Russ.)

3. Grigoriev, A.M., 2002. Kitaiskaya politika VKP(b) i Kominterna. 1920–1937 [Chinese policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern, 1920–1937]. In: Istoriya Kommunisticheskogo Internatsionala 1919–1943. Dokumental'nye ocherki. Moskva: Nauka, 2002, pp. 293–333. (in Russ.)

4. Kommunisticheskii Internatsional i kitaiskaya revolyutsiya: dokumenty i materialy [The Communist International and the Chinese

Revolution: documents and materials]. Moskva: Nauka, 1986. (in Russ.)

5. Mamaeva, N.L., 2016. Razvedyvatel'naya deyatelnost' Rikharda Zorge i ego gruppy v Kitae (1929–1932) i eyo rezul'taty [Intelligence activities of Richard Sorge and his group in China (1929–1932) and their results]. In: Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii Tsentra izucheniya noveishei istorii Kitaya i ego otnoshenii s Rossiei IDV RAN (Moskva, 17–18 fevralya 2016 g.). Moskva: IDV RAN, 2016, pp. 177–185. (in Russ.)

6. Noveishaya istoriya Kitaya, 1928–1949 gg. [Modern history of China, 1928–1949]. Moskva: Nauka, 1984. (in Russ.)

7. Pis'mo G.V. Chicherina I.V. Stalinu ot 20 iyunya 1929 g. [A letter from G.V. Chicherin to I.V. Stalin, June 20, 1929], Novaya i noveishaya istoriya, 1994, no. 2, pp. 14–15. (in Russ.)

8. Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) i Komintern. 1919–1943: dokumenty [Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) – the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern. 1919–1943: documents]. Moskva: ROSSPEN, 2004. (in Russ.)

9. Russko-kitaiskie otnosheniya v XX v.: dokumenty i materialy T. 3. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya (sentyabr' 1931 – sentyabr' 1937 gg.) [Russian-Chinese relations in the XXth century: documents and materials. Vol. 3. Soviet-Chinese relations (September 1931 – September 1937)]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2010. (in Russ.)

10. 王真, 1990. 抗战期间中苏关系恶化原因初探 [A preliminary study of the reasons for the deterioration of Sino-Soviet relations during the Anti-Japanese war], 历史研究, no. 4, pp. 51–63. (in Chinese)

